

Annotation

Рассказ из журнала «Иностранная литература» №07, 1995

- [Джон Апдайк](#)
-

Джон Апдайк

Игра с динамитом

ДЖОН АПДАЙК
Игра с динамитом

РАССКАЗ

Перевод с английского И. БЕРНШТЕЙН

Рассказ

Фэншоу, например, никак не ожидал, что среди прочих черт вновь обретаемого детства в старости возвратится изменчивость вещей — скажем, склонность стула на краю поля зрения обернуться живым существом на тонких ножках или в темной комнате четкое ощущение какого-то недоброго множественного присутствия. Встречные фары плыли по лобовому стеклу, точно вишневый цвет по черной воде, а Фэншоу понятия не имел, означают ли они четыре мотоцикла или два грузовика, и очертя голову ехал вперед, готовый каждую минуту врезаться в невидимое препятствие.

У него ушло больше пятидесяти лет, чтобы усвоить физические законы вместо детской боязливой веры в то, что на свете, как во сне, возможно все, изжить иррациональные страхи и притерпеться к прямолинейности вселенной без сверхъестественного. Но когда неотвратимая логика распада стала ощутимее сжимать его тело в своих цепких тисках, физические законы оказались не так уж и обязательны; раньше годились, а теперь надоели. Очень может быть, что предмет и вправду способен двигаться быстрее скорости света и что у каждого из нас есть бессмертная душа. Ну и что с того? Газетные заголовки со

всеми их кампаниями и эпидемиями больше его как бы не касались, и новые фильмы тоже, и спецвыпуски теленовостей, и скачки, и рекламные клипы — все это теперь обращено не к нему, а к тем, кто моложе и азартнее, для кого мир все еще весом. Живя в непосредственном соседстве со смертью, Фэншоу научился лихому солдатскому безразличию: если он бреется, а ванна где-то за спиной вдруг превратилась в белого медведя и сейчас его схватит, — это еще не конец света. И даже конец света, как ни странно это звучит, тоже был бы не конец света.

Жена моложе и подвижнее его. Часто она нетерпеливо обгоняет его на лестнице. Однажды воскресным вечером, когда они сходили вниз, торопясь открыть двери гостям, он вдруг ощутил, как она проскользнула сбоку от него, будто потянуло сквозняком, и в следующую секунду, странно уменьшившись, оказалась несколькими ступенями ниже его. Он позвал ее и хотел было дотянуться и помешать ее дальнейшему падению, а она попыталась схватиться за перила, но промахнулась и, пересчитав колетами застланные ковром ступени, так и съехала вниз к ногам изумленных гостей, которые вошли, открыв себе дверь сами.

— Ничего, все в порядке, — успокоил их Фэншоу, сходя к ним неспешно, ибо знал, наблюдая за ее удивительным падением, что на ее пути не встретилось никаких костоломных препятствий.

И действительно, она бодро встала, как та знаменитая всегда падающая на ноги кошка, с виду по-молодому смутившись своей неловкостью, но в глубине души, он-то знал, довольная, что сумела сразу найти чем занять гостей. Среди них был молодой врач, они устроили ее на диване, приложили мешочки со льдом к ушибам и ссадинам и предприняли словесное расследование, придя в конце концов к выводу, что она зацепилась каблуком за подол длинного, по новой моде, платья. Подол действительно с одного края оказался слегка отпорот, тем самым как будто бы подтверждался их вывод и рассеивалась всякая таинственность.

Однако позже, с кряхтением укладываясь рядом с Фэншоу в кровать, жена ему сказала:

— Видишь, как я хорошо поступила, не проговорила, что это ты меня пихнул.

— Як тебе и не прикоснулся, — возразил Фэншоу, хотя не очень горячо, потому что сам не был в этом убежден. Запомнил только, как

она вдруг очутилась на уходящих вниз ступенях, странно уменьшенная линейной перспективой, и еще, в яркой вспышке памяти, как он тянется, чтобы ее удержать, но почему-то не может, будто во сне. Она винила его за то, что он не поймал ее, не сделал невозможного, и это она считала равносильным толчку. Его жена на склоне их лет сделалась страстной феминисткой, а ему назначила роль мужчины-убийцы, с которым она оказалась связана в этом мире убийц-мужчин. Силы, когда-то сведшие их, она теперь считала орудием всемирного мужского комплота. Ну пусть не пихнул в буквальном смысле слова, но это он поселил ее в доме с такой большой лестницей и он же, в сговоре с мужчинами-модельерами, заставил ее надеть такое опасно длинное платье и туфли на таких высоких каблуках — а это уже все равно что прямо пихнуть. Фэншоу старался восстановить памяти свои ощущения при виде ее низвергающегося неуловимого тела, но помнил только холодный укол чего-то похожего на вежливое недоумение, тонущее в тонком, как писк, гудении неотступной печали, подобном космическому радиационному фону. И еще помнил вид на заснеженные городские крыши под высоким куполом совершенно пустого голубого неба.

Жена смягчилась, увидев, что он готов покорно принять ее версию.

— Миленький, ты меня не пихнул, — уступила она, — но ведь мог бы поймать, разве нет?

— Не успел, — ответил он, не вполне убежденный собственным самооправданием. По мере того как утрачивали реальность физические законы, у него постепенно пропадало сознание своей правоты. В тот вечер среди гостей была дочь жены от прежнего, почти мифического брака. Фэншоу с трудом различал детей жены и своих родных детей от предыдущего брака и путал родственников и свойственников. С этими молодыми загорелыми, энергичными, самоуверенными, ладными людьми — вполне рекламными образчиками «сегодняшнего поколения», — якобы связанными с ним родством, он был всегда вежлив, и их благовоспитанные знаки внимания ему льстили, но втайне он не верил в эту связь между ними и собой. Его родная мать несколько лет назад двое суток пролежала мертвая под лестницей, ведущей в подвал дома, где жила с его согласия одна, дряхлая и выжившая из ума. Преступный сын и отец, он, естественно, может быть и мужем-убийцей. Ясно, что в сознании его жены этот эпизод так и запечатлелся, будто он столкнул ее с лестницы, — почему бы и ему не запомнить его в таком же виде ради супружеского согласия?

В Зоологическом уголке Центрального парка изжелта-белые полярные медведи невесомо парят в холодной воде за стеклом, вода голубовато-зеленая, цвета коробки ментоловых сигарет (последний сорт, который курил Фэншоу, он считал мятный вкус целебным), и если завтра утром, когда он будет бриться, один такой мокрый медведь всплывет со дна ванны, убийственный удар его когтистой лапы будет легок, как облачко цветочной пыльцы.

Раньше все было более материальным. В среднем возрасте, как ему теперь помнится, мы куем свою судьбу из тел еще раскаленных и плавких. Однажды он повез своих детей кататься на коньках по льду замерзшей реки — извилистое русло чудесным образом преобразилось в твердую дорогу и сипло повизгивало под стальными ножами. Фэншоу стоял и разговаривал с матерью другой ватаги ребятишек, как вдруг его шестилетний сын молча, беззвучно упал к его ногам, просто ушел вниз из его поля зрения, пока он смотрел на румяные щеки, и сияющие глаза, и на белоснежную игривую улыбку Лорны Кремер. В трещинки их разговора просочилось тихое бульканье, малыш на снегу захныкал, и когда Фэншоу велел ему прекратить нытье и встать, глухой ответ «не могу» прозвучал словно бы из-под льда.

Выяснилось, что у ребенка сломана нога. Он стоял рядом с отцом и жаловался, что замерз, и вдруг потерял равновесие, а конек попал в трещину, и при падении у мальчика хрустнула берцовая кость. Как хрупки и тонки наши растущие косточки! Когда своя жена, и та, другая женщина, и все столпившиеся вокруг дети разъяснили Фэншоу ситуацию, он поднял мальчика и, держа на руках, взобрался с ним на крутой и заснеженный берег, испытывая, помнится, чудесное чувство полноты жизни: идиллический воскресный день, внезапно упавшая поперек него тень беды, энергичный, заботливый спаситель, жмуший на газ по дороге в клинику, в отделении неотложной помощи что-то записывают, наконец появляется хирург-ортопед, бодрый, румяный, в теплой куртке с меховым капюшоном и в дутых сапогах, ребенку накладывают гипс в виде теплых мокрых лент, слезы высыхают, и теперь, даст Бог, все скоро заживет. Через детей мы соприкасаемся с трагедией, с великой тьмой, которая льнет снаружи к нашим окнам, в их бедах — наша значительность, их хрупкие жизни соскальзывают к опасному краю, за пределы узкой тропы, по которой мы научились ступать.

— Этого бы не произошло, разумеется, — сказала его первая жена, — если бы ты обращал внимание на ребенка, а не на Лорну.

— При чем тут Лорна? Она первая сообразила, что дурачок не придуривается.

— Лорна очень даже при чем, и ты это прекрасно знаешь.

— Паранойя какая-то, — сказал он ей. — Паранойя эпохи Никсона.

— Я привыкла к тому, что ты причиняешь страдания мне, но чтобы по твоей милости страдали дети, этого я не допущу, Джеф.

— Ну вот. Настоящий сумасшедший дом.

— Думаешь, я не понимаю, почему ты потащил нас всех кататься на реку, когда у Тимми и Роз вообще даже ботинок подходящих нет? Это так на тебя не похоже, ты же больше всего любишь в воскресенье валяться и читать «Таймс», и жаловаться на похмелье, и смотреть гольф по телевизору. Тебе надо было увидеться с ней. С ней или с кем-нибудь еще из их компании. Тебе уже мало встречаться по субботам? Вот и иди к ним жить, к кому-нибудь! А меня избавь. Давай уходи! Убирайся!

Она это говорила не всерьез, но дух захватывало смотреть, как она воодушевлена, как кипит яростью, глаза мечут молнии, ладони вырубает из воздуха огромные обреченные области. В том возрасте, как теперь понимал Фэншоу, мы сотворяем себя, грубых и гибких, строим и рушим домашние очаги, весь мир в наших руках. Мы играем с динамитом. Вокруг них с женой, стоящих по колена в детях, со всех сторон взлетали на воздух дома. На руинах плодились консультанты по семье и браку, детские психиатры, адвокаты, торговцы недвижимостью. Теперь-то, в старости, на твой счет может поживиться разве что гробовщик, да еще местный священник проведет часок за выполнением приятного долга. Когда от Фэншоу отстали страховые агенты и кинопродюсеры исключили его категорию зрителей из своих социологических сводок, армии физических законов, нужные тут и там по всему свету, чтобы взрывать динамит в чувствительных точках, тоже ушли, оставив его блуждать в сумерках отсутствующих причин и следствий.

В начале августа две пичуги вздумали вить гнездо у них на веранде. Лесные славки, если его не обманывали глаза и потрепанный старый определитель птиц. Видно, что-то испортилось в их биологических часах. Время для гнездования давно прошло, но птицы, упрямые, как дети, раз взявшись, не отступались и, издавая звонкие трели, приносили и складывали веточки и травинки под капителями

колонн, поддерживающих крышу. Постройки сносило ветром, или это энергичная миссис Фэншоу сбивала их шваброй. Она была не такая сентиментальная, как он. На своей чистой белой веранде она не намерена была терпеть беспорядка, и чтобы чистые белые плиты пола у нее заляпало птичьим пометом — нет уж! Но славки прилетали опять и опять, как дети, пристающие к родителям, чтобы их сводили в луна-парк или купили им разрекламированную сладость, до тех пор, пока мир взрослых не сдастся и они не добьются своего. Крайняя колонна, у самой стены, была более или менее защищена от ветра; сооружение из веточек и травинок за ее капителью росло, и однажды на супругов Фэншоу, возвратившихся из города с покупками, с этой неустойчивой высоты надменно воззрилась черным глазом серая головка самочки. Трели прекратились. Самец исчез. А еще через две недели они хватились, что и самочка тоже исчезла. Пропала, даже не пискнув «прощай». Все время, пока она сидела на гнезде, ее остренький профиль излучал негодование.

Фэншоу вытащил приставную лестницу и снял пустое шершавое гнездышко. Наружный край его был старательно заделан отвердевшим пометом, изнутри круглая полость выжидательно вылощена до совершенной гладкости. Напрасное гнездо. О чем они думали, эти птицы? Первым поползновением Фэншоу было сохранить его — мать всегда хранила птичьи гнезда, они у нее лежали за стеклом на книжных полках или на верху пианино, — но жена просто подставила пластиковый мешок для мусора, как будто это не безобидная птичья постройка, а рассадник микробов. Гнезда нельзя бросать в мусорные мешки, подумал Фэншоу, однако же бросил. Мы с ней сообщники, мелькнула у него бессмысленная мысль, а жена нетерпеливо поглядывала на него снизу вверх блестящими глазами, пока он боролся со своими сентиментальными предрассудками.

Когда ему исполнилось пять, кажется, лет, во время праздничного чаепития с тарелочки, стоящей перед ним, вдруг исчез кусок именинного пирога и секунду спустя объявился у него на сдвинутых под столом коленках. Он к торту даже не прикасался, так что это было чудо, явленное при свечах под гомон детских голосов. Ему на всю жизнь запомнился тот кусок торта, лежащий на бархатных штанишках и выглядывающий из-под перевернутой гофрированной бумажки, — это был его любимый шоколадный торт, облитый сладкой глазурью, такой ему делала только мама, самым вкусным был край, где

шоколадные прослойки встречались с наружной обливкой и зубы вязли в густой шоколадной массе. Другой раз, через несколько лет, лежа с температурой в постели, он видел, как черная палка в чуть наклонном положении скакала по полу за краем кровати, похоже на кадры из диснеевской «Фантазии». В те годы вещественный слой мира натянулся и истончился до дыр. В четвертом классе у него из кармана исчезли новые очки в овальном футляре с защелкивающимся железным замочком, а неделю спустя, когда он, срезав угол, шагал по заросшему травой пустырю и думал об очках и о том, сколько придется трудиться отцу, чтобы купить ему новые, посмотрел под ноги, а там лежит его футляр, словно овальное яйцо во влажной спутанной траве. Сами очки внутри запотели, как будто их надевало взволнованное близорукое привидение. Вероятно, это было не такое удивительное чудо, как тогда с куском торта, но все же то обстоятельство, что он как раз *о них подумал*, делало историю с очками совершенно поразительной. Может быть, все-таки наше сознание как-то тайно управляет атомами? На всякий случай Фэншоу так до конца и не оставил детской привычки молиться. Хотя на самом деле, глядя на склеенную модель аэроплана, непонятно отчего распавшуюся за ночь, или поднимаясь навстречу выпученной тени, колышущейся на лестничной площадке, как-то с трудом думалось о Боге и Иисусе; больше похоже было, что находишься среди озорных бесов, в мире сверхъестественности, не более возвышенной по своим целям, чем мультфильмы Диснея.

Теперь эта забавная, вприпрыжку, легкость возвратилась. Фэншоу оказывался в комнате, куда совершенно неведомо как попал — словно разорвали и склеили киноплёнку. Лежа в постели, он слышал сквозь толщину подушки, как весь дом сотрясают шаги, которые сразу же смолкали, стоило приподнять голову. Возможно, это было его сердцебиение.

В почтенном районе, где Фэншоу теперь живет, все более или менее стары. Он на протяжении долгого времени наблюдал, как сдает, дряхлеет его сосед справа, одинокий вдовец, — день ото дня все больше волочит ноги, двор запущен, дом облез, но так это исподволь, так плавно, понемногу, что заметить происходящие перемены можно было бы разве что при замедленной киносъемке. Иногда они перекидывались фразой-другой через забор; Фэншоу раза два вызывался зайти обрезать у него кусты, но сосед отвечал: «Да нет, спасибо, я уж сам как-нибудь, когда буду получше себя чувствовать».

Мы смотрим прямо перед собой и видим где подъемы, где провалы, но линейное уменьшение, очевидное для стороннего взгляда, нам не заметно.

Потом как-то субботним утром у тротуара перед домом соседа появилась пожарная машина, хотя дыма не было. Один пожарник спеша прошел по дорожке в дом и не показывался так долго, что Фэншоу устал подглядывать. По прошествии часа пожарная машина все еще там стояла и мощный мотор продолжал работать вхолостую, но подъехал маленький спортивный автомобиль иностранной марки, и модная молодая дама — все относительно, ей было, наверно, лез' сорок — торопливо выбралась из низкого нутра, мелькнули длинные стройные ног и, и зацокали по плитам каблучки. Это была дочь соседа, она потом рассказала Фэншоу на поминках, что отца нашла мертвым женщина, которая у него убиралась, — он сидел в своем излюбленном кресле, выбритый, в пиджаке и галстук, словно в ожидании гостя. Значит, вот что такое смерть, подумал Фэншоу: в субботу утром дергающаяся кинокомедия необычных приездов и отъездов, а через день-другой похороны и табличка «Продается» на доме.

— Спасибо вам, что были папе таким хорошим соседом, — сказала дочь. — Он часто про вас рассказывал

— Что вы, — возразил Фэншоу. — Я ничего для него не сделал.

Зачем покойнику понадобилась эта добрая ложь? Почему убиравшая у него женщина вызвала пожарных, а не полицию? Почему пожарник не выключил мотор и целый час переводил ископаемое топливо, отравляя воздух окисью углерода за счет налогоплательщиков? Фэншоу не стал спрашивать.

Продельывая простые бытовые действия — бреясь, одеваясь, отвечая на вопросы, справляясь с разными мелкими происшествиями, — Фэншоу часто чувствовал теперь, что играет роль в спектакле, который вот-вот должен сойти со сцены, и одновременно понемножку учит слова из следующей пьесы. Похоже, что это театр единственного спектакля. Вспоминая, как один раз смерть оказалась рядом, такая явственная, в полный рост, и даже с запахом, вроде запаха мела, если стоишь в классе у доски, он испытывал как бы снисходительное недоумение. В какой момент он перестал ее бояться? Или, вернее, научился принимать? Это мгновение хранится у него в памяти, отчетливое, как полосатый шлагбаум поперек шоссе на

погранично-пропускном пункте. Это было, когда он первый раз лежал в постели с Лорной Кремер.

Какими чернильно-черными казались ее глаза среди снежной белизны простынь! Снаружи тоже лежал снег, он укутал весь мир слепящим сиянием. Талая вода журчала в алюминиевых водосточных трубах. До этого были прохлада, жесткость свежих простынь, близость, никогда прежде не испытанная, ледяные, пугливые кончики пальцев. Он снял с нее черный кружевной лифчик — ее спина изогнулась, чтобы он мог достать застёжки, — почти даже против воли, зная наперед, что сейчас полыхнет белое сияние и затмит все бывшее прежде в его жизни. Она улыбалась, подбадривая, робея. Они были сообщники. Зубы у нее оказались на поверку не такие уж идеальные, клыки чуть выступали, затеняя соседние резцы. Зрачки на неумолимом свету сузились до карандашной точки. Он никогда ничего не видел так ясно, как сейчас ее, весь тонкий механизм ее существа, мягкую мышечную ткань губ, волосы, протянутые к минным взрывателям. Он вылез из постели, чтобы приспустить шторы, вид ее был слишком, до боли, ослепителен.

За окном внизу, под птичьей кормушкой, склевывая рассыпанные семена и оставляя сеточку следов, прыгала по снегу буроватая птица, самка кардинала. А вдали, под опрокинутой чашей голубого света раскинулся целый ни в чем не повинный город крыш, дымов, припорошенных снегом деревьев. Фэншоу, зажмурившись, опустил шторы на это сияние и в благодатном сумраке вернулся туда, где неподвижно, как деревянная, лежала Лорна. Он слышал бег крови у себя в голове, жизнь переполняла его. Секс или смерть, выбирай себе отраву по вкусу. Это было бесконечно давно. Она до сих пор моложе и подвижнее его, хотя все относительно. Он не завидует тем двоим из бесконечно давнего прошлого, на чьи плечи мир взвалил такой тяжелый груз последствий. Они были прекрасны и печальны в краткий миг своего торжества, подобно титанам, этим переходным фигурам от хаоса к более заоблачному жилищу богов.

Перевод с английского И. Бернштейн